

с. 68

Р 32945

ОСН

А. Софронов

С Стенные СОЛДАТЫ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1944

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

СТЕПНЫЕ
СОЛДАТЫ

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

Заставка и концовка работы
художн. В. Богаткина,
обложка художн. С. Нодлович

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Просим дать отзыв о содержании книги и ее
оформлении. В отзыве укажите свой адрес,
профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство про-
сит организовать сбор читательских отзывов
на эту тему.

Весь материал направляйте по адресу:
Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во „Молодая
гвардия“.

I. СТЕПНЫЕ СОЛДАТЫ

СТЕПЬ

Родная степь: ковыль, да жито,
Да полынок в степи седой, —
Ты перед нами так открыта,
Как мы открыты пред тобой.

Твои яры, да перекаты,
Да нитки серые дорог
Степные воины-солдаты
Узнали вдоль и поперек.

И если суслик в поле свистнет,
И перепелка закричит,
И над тобой орел повиснет, —
Язык степной для них открыт.

Мы пили летнюю прохладу
Твоих ночных, твоей земли;
На ложе жесткого приклада
Мы час-другой уснуть могли.

Ты приучила нас к победам,
Родные земли нас зовут,
И за орудиями следом
За нами пахари идут.

СТЕПНЫЕ СОЛДАТЫ

Мы спали в обнимку, едою делились,
И пусть перед боем Христу не молились,
Но в родину нашу мы верили свято,
Друзья боевые, простые солдаты.

Мы верили свято, но только не в бога;
Он нам не мешал, мы ему не мешали.
Мы верили свято в степную дорогу,
В пути, что далеко-далеко лежали.

Мы верили свято в пласти чернозема,
Что были когда-то полями, полями,
Да в стены родного разбитого дома,
Ушедшего в землю глубоко корнями.

Мы спали в обнимку, в атаки ходили,
В бою рукопашном кололи штыками
И пшеничную кашу по-братски делили
У кухни, звеня на ходу котелками.

Когда ж к нам ворвалось жестокое горе:
Дружка одного мы в бою потеряли, —
Сыграли над ним мы последнюю зорю,
Винтовку его мы с земли подобрали.

В шинель боевую его завернули
И в землю сырую его опустили;
Друг другу в глаза сиротливо взглянули,
Над тесной, над теплой могилой гастили

Земля его долго степями носила
И все отдавала ему — не скучилась;
Она ему волю давала и силу, —
Теперь неохотно пред ним расступилась.

Стояли над теплой могилой солдаты,
Глаза их под ветром блестели сухие.
Молчали солдаты и верили свято
В просторы великие грозной России.

Мы верили свято, что рокот тяжелый
К могиле степной издали донесется;
Землей черноземной, по рощам и селам,
Как ветер, как эхо, над ним пронесется.

И друг наш услышит в остывшей могиле
Неумершим слухом степного солдата,
Что клятву ему мы в бою сохранили:
Вернулись туда, где стояли когда-то.

ТАМАНСКИЕ ЛИМАНЫ

Еще один, еще бросок
К высокому кургану;
В глазах песок, во рту песок —
Таманские лиманы!..

Засох камыш, шумит камыш, —
Здесь в камышах траншеи.
За мышью мышь, степная мышь
Ползет тебе за шею.

Вблизи курган. Курган высок;
Стоят над ним туманы,
А пули трутся о высок —
Таманские лиманы!..

Мышиный писк, свинцовый визг.
Да рокот пулемета,
И над лиманом тыщи искр.
— Вставай, иди, пехота!

Еще один, еще бросок
К высокому кургану;
В глазах песок, во рту песок —
Таманские лиманы!..

ГОЛУБИ

Меж двух боев, как в междуречье,
Когда закат над степью плыл,
Нет, не людской, не человечий
Нас голос вдруг остановил.

Средь желтизны и увяданья
Поблекших трав, сухих ветвей
То был не голос — воркованье
Под низкой крышей голубей.

Они друг друга щеловали,
Любви и нежности полны,
Как будто их нарисовали
Еще задолго до войны.

Такие голуби, которых
В далеком детстве каждый год
Мы выпускали с крыши в город
И ждали верный их прилет.

И вот они опять вернулись
Из детства прямо, издали,
Чтоб на одной из тихих улиц
Мы снова встретить их могли.

Сидели голуби под крышей,
Готовясь шумно на ночлег...
...Но воркованья их не слышал
Сидевший в доме человек.

Вобрав в ладонь свой бобрик
жесткий,
Артиллерийский генерал
Над сеткой редкою двухверстки
Вторые сутки колдовал.

Он был бессонницей иссущен.
Но только голуби уснут,
Их мирный сон в ночи нарушив,
Снаряды небо разорвут.

СОЛДАТСКИЕ СНЫ

Солдатам часто снятся сны;
В них целый мир и жизнь вторая,
В них синим шелком вплетены
Теченья рек степного края.

В них желтой ниткою расшит
Жарой нетронутый подсолнух,
Что чуть листами шевелит
На берегу речушки сонной.

В них все, что видано давно
И навсегда запечатлелось,

Что сохранить нам суждено,
Как песню юности, что пелась

На берегу реки степной,
У камышей неторопливых,
Где тонкой светлою стеной
Качались согнутые ивы.

Когда-нибудь настанет ночь,
И мы увидим сны другие:
Хрипенье черных мертвых рош,
Столбы над степью огневые,

В полях сожженную траву,
Дома, растерзанные в клочья, —
Все то, что видим наяву
Мы третий год и днем и ночью.

Но пусть приснятся эти сны,
Пусть будят ночью бред
и стоны, —
Нас успокоит плеск волны
На берегах речушек сонных.

ХУТОР РУССКИЙ

Есть хутор Русский на Кубани,
Там нет сейчас живых домов,
Там горе плавает в тумане
На гребне яблонь и холмов.

Враги его огнем пытали,
Взрывали толом каждый дом,
Четвертовали и сметали,
Чтоб память выветрить о нем.

Но он стоял, стеною каждой
За землю русскую держась;
Огнем палим и мучим жаждой,
Он не желал пред немцем пасть.

Они его пытали, будто
Вобрал он русские края,
Не сто домов, не Русский хутор,
А в нем вся русская земля.

Он гасыпал им пеплом лица,
Ветвями голыми стучал;
Он звал соседние станицы
К себе на помощь в трудный час.

Остался жив... Дома — калеки,
Пустые окна — сквозняком...
...Переплывают люди реки,
Бредут из плавней босиком.

С горы идут тропинкой узкой,
Спешат дорогой через лес:
— Куда идетে?
— В хутор Русский.
— Откуда вы?
— Из этих мест.

Рассвет в степи встречает тусклый
Людей, идущих чередой...
— Куда идетে?
— В хутор Русский.
— К себе домой?
— Домой, домой!

Они его убить хотели,
Но он, как прежде, будет жить.
Убить и хутор не сумели,
А где же землю им убить!

ТВОЙ ДОМ

Что такое тоска по дому,
Почему я ее храню, —
По обжитому, по родному
Цвету, запаху и огню?

Всё дороги, дороги, дороги...
Лето ль, осень пришла ль, зима, —
Полосатые скаты, отроги,
Хаты, пепел, сады, дома...

Снова крыша тебя встречает,
Не твоя ли она, точь-в-точь?
И хозяйка брусничным чаем
Бранных путников поит в ночь.

Лишь закроешь глаза, и видишь:
Светит дом твой окном во тьму, —
Это то, что вовек не обидишь,
Не предашь, не отдашь никому.

Помнишь стершиеся ступени
И поющую желтую дверь,
Занавесок веселые тени?..
Как все это живет теперь?

Час придет — ты вернешься к дому,
Как с пожара, еще в дыму,
Не к какому-нибудь другому —
Обязательно к своему.

Домочадцев своих заторопишь
И навстречу морозному дню
Дров наколешь, и печь растопишь,
И прятнешь руки к огню!

ВИКТОРИИ

Мы ласкаем чужих детей
В полотняных белых рубахах...
Из походной сумки своей
Достаем пожелтевший сахар.

В этом возрасте все они
Друг на друга слегка похожи:
И глазенки у них одни,
И родимые пятна на коже.

Сходством редким и я поражен:
Будто здесь отыскав пропажу,
Кудри белые, словно лен,
Я рукой огрубелую гляжу.

Может, где-то в моем краю
Бородатый, небритый дядя
Дочку ласковую мою
Так же нежно и бережно
гладит.

ОГОНЬ

Не спит мальчишка в хате темной,
Глаза откроет, и в окне
Он видит заревом огромным
Огонь за хатой в стороне.

Он мать зовет, дрожит в испуге:
— Ой, мама, немец...

Спрячь меня... —

Но мать спокойна: то в округе
Горит пшеничная стерня.

Готовят поле для пшеницы
До снега раннего колхоз,
Сверкают в небе над станицей,
Переливаясь, нити звезд.

Сын плачет, вскрикивает, стонет,
Сжимает бледную ладонь:
Он видит мертвых на затоне
И вновь огонь, огонь, огонь...

Опять горящую станицу,
Опять безрукие тела,
И перекошенные лица,
И над телами шомпола.

...Мать, от бессонницы слепая,
Глаза сжимая, как в дыму,
Лишь на рассвете засыпает,
Склоняясь к сыну своему.

И в этот час, когда ровнее
Сын спит, разжав во сне ладонь,
Отец его на батарее
Вдали командует: — Огонь!

И вверх летят накаты, бревна,
Тела немецкие, бетон...

Но снова слышен голос ровный:
Отец командует: — Огоны!

Дрожит земля; качая воздух,
Взлетают в небо сталь и бронь,
И снова слышен голос грозный:
— Огоны!
— Огоны!
— Огоны!
— Огоны!

II. ЕХАЛИ КАЗАКИ...

БЕССМЕРТНИК

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растет на кургане, над Доном-рекой,
Суровый цветок — бессмертник.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель — свинцового цвета...
Стоит на кургане, у самой реки,
Цветок, не сгибаемый ветром.

С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый...
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было рядом развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоскё земли
С разбитым лежит пулеметом.
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты германской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой
пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его сторожить,
Суровой победы свидетель.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель — свинцового цвета...
Стоит на кургане, у самой реки,
Цветок, не сгибаемый ветром.

ТРОЕ

Мы с тобой лозу рубили,
Ой, рубили — пополам...
Мы с тобой одну любили,
Да досталась, брат, не нам.
Не тебе, не мне досталась, —
Вышел третий наперед.
Опоздали мы на малость,
А любовь, браток, не ждет.
С той поры мы подружились:
Обожглись мы на одном.
С той поры мы обходили
Хату белую вдвоем. ●
Обходили за версту
И встречались на мосту.

Мы смотрели: в дождь и в ветер,
Где над яром чернотал,

Как Анисью кто-то третий,
Кто-то дерзкий целовал.
Кто-то дерзкий — наш товарищ,
Наш Андрейка Низовой,
Не затронешь, не ударишь:
Наш товарищ — мой и твой.
Мы тогда фасон держали,
Разобиделись навек,
Будто мы его не знали, —
Незнакомый человек.
Позабыли об одном:
Что нельзя любить втроем.

Мы в степи зеленой мчались
С шашкой острой на весу.
Вдоль и поперек рубали
Красноталую лозу.
На коне червонной масти
Над ковыльною травой
Пролетал — по рубке мастер —
Наш Андрейка Низовой.
Только мы не замечали,
Что он делает, каков...
На привет не отвечали, —
Мало ль ездит казаков!
Но война пришла — и в строй
Стали мы и Низовой.

Помнишь, друг мой, как ходили
На разведку мы втроем,
Как с Андрейкой поделились
Мы впервые сухарем,
Как в болоте мы застряли,
Как Андрейка нас спасал?
Позабудешь ты едва ли,
Как однажды он простыл,

Как его с собою клал
Промеж нас, — в жару он был,
Как укрыла в снежный вихрь
Бурка черная троих.

Вот и все... От злобной птуши
Кончил свой Андрейка путь.
В бурку друга завернули,
Будто лег он отдохнуть.
Ничего не позабыли
В дружбе нашей золотой.
Мы его похоронили
Под березой молодой.
Нашей кровью, нашей жизнью,
Честным словом молодым
Над могилой поклялись мы —
Сына мы усыновим.
Нашей дружбе — не конец:
Кто останется — отец.

Ты не спишь еще, товарищ,
Вспомнить друга довелось.
Видишь, зарево пожара
Над лесами поднялось?
Слышишь, кони перед боем
Привязь могут оборвать?
Хорошо нам, друг, с тобою
Под одною буркой спать.
Так засни, мой друг, немного.
День суровый завтра ждет:
Рано утром на дорогу
Бросим коней мы в налет.
Помним клятву мы свою:
За троих рубить в бою.

ГОРОБЕЦ

Вызывает командир полка
Для беседы к штабу казака.
И приходит тот в крестьянский двор.
— Здравствуй, — говорит ему майор.
Руку жмет гвардейцу командир. —
Фронт тебя за доблесть наградил.
Орден боевого знамени к лицу
Казаку-гвардейцу Горобцу.
Ты кубанец?

— Не кубанец, я — донской,
Из станицы из придонской, из Чирской, —
Отвечает, как положено, казак
И не знает, что еще сказать.
Просит дать майор ему ответ:
— Что ты можешь делать, а что нет?
— На войне?

— Конечно, на войне.
А в «гражданке» для чего ж ты мне?.. —
И садятся оба на крыльце.
Автомат висит на Горобце.
Подбирает Горобец ножны,
Расправляет синие штаны,
Угощает командира табаком,
Зажигает спичку белым огоньком.
— Что могу я делать на войне?
Что прикажут командиры мне.
Я в разведку дальную хожу,
На снегу январском не дрожу,
На снегу морозном, на ветру
День и ночь рублю немчуру;
Каждого для смерти берегу.
Что прикажут делать — я могу.
— Ну, а не прикажут? Что тогда?
— Не прикажут? Тоже не беда.
Я привык и к тропкам и лесам.

Не прикажут — догадаюсь сам. —
...Так сидят и курят на крыльце.
Автомат висит на Горобце.
Вьется тонкий синенький дымок,
Снег ложится хлопьями у ног.
— Хорошо, товарищ, — говорит майор, —
Что не можешь делать, не сказал ты до сих
пор... —

Видя, что беседе не конец,
Отвечает командиру Горобец:
— Не могу... а вот что не могу:
Не могу обиды я прощать врагу...
Не могу, где бы ни было, не петь,
Не могу без пользы умереть. —
...Поднимается майор с крыльца,
Взор не сводит нежный с Горобца.
— Ты сегодня в тыл опять пойдешь
И деревню Гуково возьмешь.
В помощь я даю тебе троих,
Самых что ни лучших, боевых.
Так возьмешь? — глядит в глаза ему.
Отвечает Горобец:
— Возьму!

ПОДВИГ БАНДУРЫ

Кто в Марьинской станице не бывал,
Кто не видал Кубани в половодье,
Бандура тех за путных не считал:
Не люди это, а лишь что-то вроде...

Когда-то он любил в степи гулять,
Свистеть в три пальца на зеленой воле,
А вечером подруженьку встречать
На берегу, где три стоят тополи.

Широкий, рослый, он из тех кровей,
Что землю щедро в битвах напитали,
И у него был крестным Кочубей, —
Бандуру шашкой острой осеняли.

Отец, прощаясь, говорил: — Езжай
И покажи там, что Кубань умеет,
А будет бой — в бою не оплошай:
Ведь все-таки отец был с Кочубеем.

И сын поехал мимо белых хат.
Через Кубань, через родное поле...
Потом, отъехав, глянул наугад, —
Нет, не видать, уж скрылись три тополи.

И сколько дней прошло, он не считал.
Летел в атаки бешеным аллюром
И шашкой много немцев порубал,
Но не тупилась шашка у Бандуры.

Казалось, будто вылит он с конем,
Из меди красной выкован в кузнечной,
Когда сидел в седле погожим днем,
Блестя под солнцем желтою уздечкой.

Наказ отца Бандура не забыл:
Он полюбил походы и сраженья,
Но больше жизни самой полюбил
Атаки искрометное движенье,

Когда летишь и ветер впереди
Взметает снег порошкой круговою,
И стынет воздух бешеный в груди,
И сабли свист висит над головою.

И этот день не позабыть вовек,
Обычный день, декабрьская поземка...

Когда, коней все убыстряя бег.
Они пошли в атаку лавой громкой,

За танками по снегу да внемет,
Лаэревыми шашками сверкая...

— За Сталина, станичники! Вперед! —
Кричал майор, из лавы вылетая.

А конь Бандуры, белый Камчадал,
Скакал весь в пене, злобен и неистов...
И вдруг Бандура близко увидал
Перед собою пять кавалеристов.

Они решили смаху взять его,
Но он пригнулся к помокревшей холке,
Взмахнул клинком и — нету одного:
Упал фашист на снег морозный, колкий.

Бандура повернулся... На дыбки
Поднялся конь, копытами играя...
Все четверо оставшихся клинки
Взметнули, на Бандуру налетая.

Но он чуть тронул желтую узду,
Метнулся вбок, не выходя из боя,
Взмахнул и, оставляя борозду,
От шеи разрубил врага по пояс.

И, шашку бросив в левую ладонь,
Приемом старым, как отец, владея,
На каске третьей высек он огонь
И шашкой рубанул врага по шее.

Бандура их по снегу настигает.
Но шаг у Камчадала подлинней,
Помчались немцы, в кровь бока стегая...
Осталось двое... Повернув коней,

Свистит клинок, и, падая с седла,
Летит четвертый, обливаясь кровью...
Уходит пятый... Нет, не подвела
Винтовочка Бандуру в Подмосковье.

...И вот опять приходит тишина.
Атака кончена. Труба отбой играет.
Шумит лесок. Молчит голубизна.
Бандура шашки в поле собирает.

К майору подъезжает не спеша,
Кладет у ног все пять, гремя ножнами.
— Одна, майор, уж больно хороша,
Повезь бы мне отцу ее на память...

Майор дает: — Герой ты, молодец.
Кубанцы немцев отличать умеют... —
Бандура отвечает: — Мой отец
Служил когда-то вместе с Кочубеем.

Иван Бандура, он из тех кровей,
Что землю щедро в битвах напитали,
И у него был крестным Кочубей, —
Бандуру шашкой острой осеняли.

Казалось, будто вылит он с конем,
Из меди красной выкован в кузнецкой,
Когда сидел в седле погожим днем,
Блестя под солнцем желтою уздечкой.

КОНТРАТАКА

Высокий берег глинист и обрывист...
Верба на нем да тополь молодой,
Прищельцу иноземному противясь,
Бросаются в пучину головой...

В десятый раз наведены понтоны —
Стальных канатов и креплений нить, --
В десятый раз казачьи эскадроны
Готовы в контратаку выходить.

Они землисты, злобны, сухощавы,
От пороха бездымного черны...
У ног их тлеют, не сгорая, травы,
Торча в степи, как зубья боронь.

Встречает берег немцев молчаливо,
Верба немеет в горе и тоске.
Бегут пришельцы берегом к обрыву
Следы подковок бросив на песке.

И в тот же час покатою лощиной
Уже несутся с гиком казаки,
Тяжелой сокрушительной лавиной
Сметая чужеземцев у реки.

И вот река клюкает бурой пеной,
В крови, в телах, вздымаая грунт со дна
И вся она, освободясь от плена,
Понтон срывает, в бешенстве грозна.

Вновь тишина у берега крутого,
Выходит месяц из реки — багров.
Затоптаны следы чужих подковок
Подковами казачьих скакунов.

СКАЗ ПРО ДОВАТОРА

Стал в деревне на ночь, на постой,
Полк казачий. В темноте густой
Слышно, как копытом кони бьют,
Как овес невидимо жуют.

Потому деревня Власино тесна,
Что наполовину немцем сожжена.
Ходят часовые из конца в конец...
...На столе мигает бледный каганец;
Тени от коптилки бродят по стене.
Говорят на печке кто-то в тишине.

Говорит неспешно, с хрипотцой, баском:
— Генерал Доватор лично мне знаком;
Из одной станицы, жили базом в баз,
Мы с ним выпивали, может быть, не раз
Он не то, что кум мой, а кумы моей
Братец двоюродный, из одних кровей... —
Кто-то возражает: — Он же не казак...
— Что ты понимаешь, замолчи, дурак!
Ты на свет явился, а я водку пил,
Ты еще женился — я внучат растил.
Что ты понимаешь? Лучше замолчи!
У него папаха из каракульчи,
И усы, как сабли, по бокам висят,
Коль в глаза посмотрит — ты опустишь взгляй/
Видит все, не спрячешь, нечего скрывать.
Коли провинился — лучше все сказать.
Что ты понимаешь? «Он же не казак»?!

Если не казак он, кто же может так
Делать, как Доватор, что ж что генерал, —
Он одною кашей с нами сыт бывал.
...Поступил однажды в полк наш казачок,
Андряном звали, из себя — сморчок,
Не высокий ростом, но широк в плечах,
Видно, в детстве много лопал, не зачах.
Раз пришлось нам в тыл немецкий уходить,
До пупков собачьих немчуру рубить.
Все, как полагается: прорвались, идем...
И Доватор с нами на коне своем.
Долго мы ходили по чужим тылам,
Немчуре досталось... Но однажды нам

Тоже, брат, досталось, но слегка, ей-ей!..
Вот тогда из боя убежал Андрей.
Смотрим, под сосновою Андрея лежит,
Думали, убитый, — нет, живой, дрожит.
Словно лист осины, он тогда дрожал...
Смотрим, промеж нами, значит, генерал.
«Что же, — говорит, — ты, сука, здесь дрожишь?
Ощенился, что ли, что в кустах лежишь?
Кто ты есть: предатель или трус-казак?
Как же так случилось? Ну, скажи нам, как?»
Говорит Доватор, на него глядит.
Андрея — ни слова, как бычок, молчит.
Говорит Доватор, смотрит мне в глаза:
«Что с ним делать, подскажи, скажи, казак?»
В трудные минуты, между прочим, я
Выручал советом, мы ж с ним, как друзья...
Я сказал, как думал: «Наперед нужны
От березы ветки, опосля штаны
Надо снять с Андрея, всыпать под кустом,
Сам он разберется, что к чему потом». —
«Нет, — сказал Доватор, — не годится так,
Может, не пропащий он еще казак.
...Вот что, — вдруг сказал он, — будешь ты со
мной,
Где б я ни был, — понял? Будешь ты связной».
Андрея впервые посмотрел в глаза.
«Есть», — сказал помедлив, трудно так сказал.
С той поры он всюду, где Доватор, был.
Ну, а это, значит, первым в бой ходил.
Будто подменили, стал совсем другой.
Скольких порубал он сам, своей рукой!
А однажды снайпер из куста стрелял, —
Прямо в генерала немец замышлял.
Жив Доватор вышел: заслонил связной.
Ранили Андрея пулей разрывной.
Грудью генерала крепко заслонил
И за это орден, значит, получил.

Что ты понимаешь? «Всё не казак»?!
Кто же может сделать, как Доватор, так?
Из одной станицы, жили базом в баз,
Мы с ним выпивали, может быть, не раз.
Он не то, что кум мой, а кумы моей
Братец двоюродный, из одних кровей... —
Старина смолкает; видит — все молчат,
Ходики на стенке не спеша стучат.

БАЛЛАДА О ДВУХ ДРУЖКАХ

Служили-дружили в гвардейском полку
Два парня, что в скачке платок на скаку,
На полном карьере хватали с земли,
Когда он лежал на дороге в пыли.
...Платочек-платок, голубой узелок,
Ты видел немало печальных дорог,
Ты видел, как плакал седой ковылек,
Платочек-платок, голубой узелок...
Был парень один с Украины, другой —
Из Старой Цымлянской, станицы донской.
И сколько прошли они рядом в седле,
Расскажут следы на сожжённой земле.
А сколько в атаках срубили врагов,
Расскажут вам лезвия синих клинков;
И где бы ни легла перед ними тропа,
Там в поле желтеют врагов черепа.
...В горах отзывается медный сигнал —
Бойцов собирает в лесу генерал;
Сидит седоусый на рыжем коне,
Глаза полукровки в зеленом огне...
Сказал генерал: — Казаченьки, вперед! —
И кони метнулись, как буря, внашет.
И вот уже горы остались вдали,
И вот уже степи кубанской земли,
И вот уже свищут над степью клинки,

И вот уже ищут врагов казаки.
Две молнии рядом — два синих клинка.
Два сердца горячих — два верных дружка
Платочек-платок, голубой узелок,
От крови горячей казачьей намок.
В степи подымается снежная пыль,
И стонет под снегом прямятый ковыль...
И вот уже виден в снегу голубом
И берег покатый, и Дон подо льдом.
Вот конь остановлен, молчат стремена,
Казак возле Дона, в степи тишина.
Он повод бросает дружку своему
И берег казачий целует в дыму.
Но видит, что рядом дружок боевой
С ним берег целует высокий донской.
Они поднимаются, молча стоят,
На Дон, на станицу у Дона глядят.
Дружку говорит украинец лихой:
— Ты берег увидел казачий родной,
А мне к своему все скакать да скакать...
Дойду ли, доеду ль я, как мне узнать?
— Доедешь, товариц, — казак говорит,
Доедешь, коль сердце пожаром горит;
Доедем с тобою в дыму и огне,
И Днепр мы увидим в твоей стороне... —
И прыгают в седла дружки на ходу,
А кони кусают витую узду.
...Платочек-платок голубой на ветру
Легит, развевается прямо к Днепру...
И где ни пройдут, ни проедут дружки,
И где ни сверкнут, ни засвищут клинки,
Там немцам в могилу — собачья тропа,
Там в поле желтеют врагов черепа.
...Всё скачут и скачут дружки на конях;
На красном снегу, в дыму и огнях;
И смерть их боится, свинец не берет —
Бессмертие рядом с дружками идет.

«ОГОНЕК»

Синеглазую в станице
Называли «Ковылек».
А на фронте имя дали
Синеглазой — «Огонек».
«Ковылек» — за то, что гибкой
И бесшумною была;
«Огонек» — за то, что в сердце
Много ласки и тепла.

Если вдруг казак в походе
О любимой запрутся,
На коне она подъедет,
Спросит: «Милый, что болит?
Запоем с тобою песню —
И тоска-печаль пройдет...»
На нее казак посмотрит,
Улыбнется и вздохнет.

Если ночью на привале
Станет сердцу тяжело,
Подойдет она, и сразу
На душе у всех светло:
Будто рядом увидали
В хате дальней огонек,
Будто рядом услыхали
Топот детских милых ног.

А когда перед атакой
Рвет узду казачий конь,
Огонек в глазах погаснет,
Вспыхнет пламенем огонь, —
«Ковылечек-Огонечек»
С казаками скачет в бой...
«Ковылечек-Огонечек»
Синеглазый, дорогой.

ПЕСНЯ О КАЗАЧЬЕМ ПОДВИГЕ

Служил в полку кавалерийском
Конногвардеец Горобец.

Когда с врагом сходился близко,
Врагу всегда бывал конец.

Но как-то раз в атаке быстрой,
Когда гвардеец в бой скакал,
Спроткнулся конь кавалерийский,
Упал убитым наповал.

Когда коня под ним убили,
Он, стоя, принял бой клинком;
Когда клинок его сломили,
Ударил немца кулаком.

Когда в дыму, в горячке боя
Кулак его разрублен был,
Он немца левою рукою
С коня стянул и задушил.

Схватил клинок рукой здоровой
И на коня вскочил боец, —
На бой с врагом помчался снова
Конногвардеец Горобец.

Ковыль-трава в степи шумела,
И залит кровью был чебрец.
За край родной сражался смело
Конногвардеец Горобец.

КАЗАК НА ЗАПАД В БОЙ ИДЕТ

Поил казак-конногвардеец,
Коня студеною водой,
Коня поил и вел беседу
С дивчиной славной, молодой.

— Живет на хуторе невеста,
Стройна, как вешняя лоза.
Ты на нее слегка похожа,
Такие ж черные глаза.

Ему дивчина отвечала:
— Ушел на фронт любимый мой.
Ты на него похож немножко —
Такой же смелый и простой.

Коль ты его в бою увидишь,
Ему, казак, ты передай:
Пусть бьет врага и защищает
Свой отчий дом, родимый край.

Его любимая подруга
Ему попрежнему верна
И часто-часто вспоминает
Его ночами у окна.

Труба поход, поход играет,
И конь копытом землю бьет...
Казак прощается с дивчиной,
Казак на запад в бой идет.

ЕХАЛИ КАЗАКИ

Меж сосен высоких, дорогогою длинной,
Вдоль берега зимней реки,
Гремя стременами, с баяном старинным
Шли в дальний поход казаки.

Гвардейское знамя дорогой широкой
Гвардеец у стремени вез
И слушал, как в соснах зеленых высоких
Гуляет декабрьский мороз.

И в такт лошадиному шагу качалась
Казачка в походном седле...
А кони копытами били, стучали,
По мерзлой гремели земле.

Им были не страшны снаряды и мины
И черный немецкий свинец...
...Вдруг тронул лады на баяне старинном
И песню запел Горобец.

Он пел о любимой, о вольной сторонке
О Доне далеком он пел...
И голос его, переливчатый, звонкий,
До синего неба летел.

Он пел; шелестела у Дона осока,
Ручьями журчали лады, —
Как будто вставали над яром высоким
Придонской станицы сады.

И вот уже песню его подхватили
И подняли вверх казаки;
И вспомнили все, как когда-то ходили
У Дона — родимой реки.

А песня меж сосен высоких взбиралась
В лесу, от мороза седом.
И где-то над соснами в небе качалась
И вверх улетала потом.

Дорогой метельной, декабрьской, выжной,
Вдоль берега зимней реки,
Всё ехали, ехали, ехали дружно
На запад в поход казаки.

ЗЕМЛЯ ТВОЯ

О ней ты бредил по ночам,
Страданий не тая;
Она — начало всех начал,
Земля, земля твоя!

Она была тебе дана
Навек, на тысячи лет;
Такая, как она, одна.
Другой, похожей, нет.

Когда ты только подрастал,
Еще юнцом не стал, —
Бесшумный гибкий чернотал
Тебя в степи встречал.

Когда подрос, когда в очах
Зажегся огонек,
В полдневный зной тебя встречал
Степовой ковылек.

Он был таким же в страшный зной,
Когда в дыму, в огне
Он увидел нас за рекой,
На левой стороне...

Земля моя, земля твоя, —
Равнины да яры, —
Ты кровью, честью, клятвою
Нам стала с той поры.

И нет в душе тоски сильней
И горести сильней,
Когда ты думаешь о ней,
Истерзанной, твоей...

И вот опять ты на своем,
На правом берегу

Стоишь, не тронутый огнем,
На розовом снегу.

Ты снег руками разгребешь, —
Один из сыновей,
Губами верными прильнешь
К земле, к земле твоей.

Казачий берег, тихий Дон,
Родимые края,
Степной ковыль, сожженный дом,
Земля, земля твоя!

ДУША ЧЕЛОВЕКА

В час вечерний, поздний, перед сном,
При мерцанье тусклом фонаря,
Взвод бойцов в блиндаже земляном
Собрался, о жизни говоря.

Впрочем, взвод не полный... На постах
Часовые мокли под дождем,
Да в разведку четверо в кустах
Пробирались по земле ползком.

А в блиндаже плавал сизый дым,
Кольцами ходил у потолка...
Лейтенант сказал: — Поговорим...
Все к нему придвинулись слегка.

Он спросил: — А как учесть,
Есть душа у человека или нет?
И сказал боец Карпенко: — Есть!
И сказал боец Сметанин: — Нет!

— Есть душа! — Карпенко повторил.
Но Сметанин возразил в ответ:
— Нам учитель в школе говорил,
Что души у человека нет.

— Есть! — Да нет! — горячий разговор.
Каждый хочет мнение сказать...
Лейтенант вмешался снова в спор:
— Это дело треба разобрать!..

Вот настал атаки грозный час.
Все ли в это время хороши?
Здесь и обнаружится как раз,
Есть душа иль нет ее, души.

Вот боец Карпенко — впереди!
Несмотря, что ростом небольшой...
Есть такое у него в груди,
То, что называется душой.

А другой... В затишье смелый вид.
Чубчик под пилоткой вороной...
А в атаке прозной норовит
У других укрыться за спиной.

...Как про чубчик лейтенант сказал,
Почему-то все, со всех сторон,
Устремили в полуутьме глаза
Разом на Сметанина... А он

Под пилотку прятал чубчик вороной.
Ну, а взор не мог он отвести...
Помолчал, потом спросил в тиши ючной:
— Как же мне ее приобрести?

Лейтенант ответил: — Вот что, друг.
Ты ее не купишь, не зайдешь.

За спиной другого не найдешь,
Из чужих ее не примешь рук.

Ты ее в бою кругом возьми,
Только сам, другого не проси.
Если страшно, зубы ты сожми;
Если больно, губы прокуси,
Ну, а все-таки ее возьми!

На войне иначе не достать,
Ценится она ценой большой.
Если смерть придется где принять,
Скажут: «Был он человек с душой».

Лейтенант поднялся... Шум берез
Вдруг в блиндаж донесся через щель...
...А Сметанин, уходя на пост,
Расправлял примятую шинель.

Он ушел... Дохнуло ветерком,
Запахом болота и травы,
И в блиндаж влетела кувырком
Стая желто-огненной листвы.

И сказал Карпенко: — Срок пройдет,
Душу человечью он найдет.
Потому что немца подлого крушить,
Человек не может без души.

ДУБОК И ГРАЧЕВ

В отделение ефрейтора Дубка
Прибыл с пополнением новичок...
И спросил ефрейтор новичка:
— Как твоя фамилия?

— Грачев.

— Ты вблизи фашиста не видал?
— Не видал.

— Ты в него с винтовки не стрелял?
— Не стрелял.

— Так, — сказал Дубок, — ложись и спи,
Слышишь, ветер воет во степи... —
Лег Грачев на землю и уснул,
Под себя щинельку подвернул.
Спал Грачев, дремал ли, или нет, —
Только видит он — уже рассвет;
По-над степью солнца ободок...

Ходит между вербами Дубок,
Говорит Грачеву: — Ну, вставай! Подъем.
Нынче в бой за хутор мы пойдем.
Ты свою винтовку осмотри,
Оружейным маслом ты ее протри. —
...Час атаки скоро настает, —
Отделенье в бой меж вербами идет.
Впереди за речкой — хуторок.
И к нему ведет товарищей Дубок.
Травы под ногами шелестят,
Пули по-змеиному свистят.
Вдруг ефрейтор видит: новичок.
Будто в лихорадке, занемог.
Кланяется пулям на ходу,
Будто жнет на поле лебеду.
Свистнет пуля — голову нагнёт
И другую пулю вслед за первой ждёт.
И тогда бежит к нему Дубок:
— Эй! — кричит он. — Не робей, дружок!
Ты к земле былинкою не гнись,
Ты свистящей пули не боись.
Просвистела — чорт ее найдет.
Просвистела — значит, не убьет.
Убывает та, что не слыхать,
А ее чего же среди поля ждать. —
Может, пролетела где она давно,

Ты ж ее не слышишь все равно.

— Ну давай, — махнул рукой Дубок,
Побежал за ним по травам новичок.

Мини засвистели — лег Дубок,
Рядом с ним, за кочкой, — новичок.
Встал Дубок — поднялся новичок...

— Бей германца, так его, браток! —
...Вот и хаты, вот и хуторок.

Посмотрел Дубок, а где же новичок?
Видит: немца колет на возах:

— Ну давай... давай... Входи, браток,
в азарт! —

Рушит немца на землю приклад,
Сразу видно — русский бьет солдат..

Что там покололи немца в хуторке,
Что там потопили германов в реке!

Сколько раз считали — всех не перечтешь,
Те, что под водою, — черта их найдешь...
...Немец гулей новичка ожег. —

Перевязывал Грачева сам Дубок.
Перевязывая, он его спросил:

— Ты до фронта в обученьи был? — Был.

— Как вести себя в бою, ты изучил? — Изучил.

— А чего же пулям ты поклоны бил?

— Как услышал пули, все забыл.

— А теперь?

— Теперь, наоборот...

— Что другому скажешь, коли к нам придет?

— Я скажу:

«Ты к земле былинкою не' гнись,

Ты свистящей пули не боись.

Просвистела — чорт ее найдет.

Просвистела — значит, не убьет.

Убивает та, что не слыхать,

А ее чего же среди поля ждать, —

Может, пролетела где она давно,
Ты ж ее не слышишь все равно».
— Правильно, — сказал ему Дубок, —
Ты — боец теперь, не новичок!

ВИШНЯ

О том, что здесь она росла,
Что цветом розовым цвела,
Узнали мы не по корням,
Не по изломанным ветвям, —
Узнали мы по ней самой,
Слыхавшей смерть сто тысяч раз
И не умершей в смертный час.

Среди разбитых кирпичей,
Дрожа изодранной корой,
Сто пятьдесят слепых ночей
Она стояла, как герой;
Как те герои, что кругом
У ног ее лежали вряд;
Как каждый камень, каждый дом,
Как весь бессмертный Сталинград.

Война ушла, весна пришла,
И вишня снова расцвела,
И отцвела... И вот висят,
Под солнцем ягоды блестят.
Уже не кровь — вишневый цвет,
Уже не дым — седой рассвет,
Уже не бред — в землянке сон,
Уже не смерть — железа звон.

Искала долго свой очаг
Седая женщина в пыли;
Печаль и гнев в ее очах

Вперед намного дней легли.
Вдруг увидала: средь камней
Стояла вишня в двух шагах...
И догадалась — перед ней
Лежал ее жилища прах.

Но рядом вишня так цвела,
Ветвями так к себе звала,
Что пепел женщина смела,
Шатаясь, к вишне подошла,
Припала к ней...

И с той поры
Здесь зазвенели топоры
У вишни тонкой, вокруг нее,
Над Волгой, — новое жилье.

III. ЗИМА В ЛЕСУ

ПИСЬМО ЧЕРЕЗ ФРОНТ

Все запомнится, все без остатка:
Самолета полуночный гром;
Среди сосен лесная площадка —
Партизанский аэродром.

И костры на снегу — нет им счета,
И ракеты зеленый огонь,
И последняя дрожь самолета,
И железная чья-то ладонь.

И объятий мужская суровость,
Затаенный дымок палирос,
И какая-то важная новость,
И какой-то случайный вопрос.

Все там было... Пусть мы не знакомы.
Но мы с первого слова — друзья;
И в землянке глубокой, как дома,
А иначе и жить там нельзя.

Все запомнится, что б ни случилось:
И сожженные столбики верст;
И молчанье над снежной могилой
Среди белых, как свечи, берез;

И прощанье друзей перед ночью,
Предвечающей встречу с врагом;
И на соснах — негнущийся почерк —
Пулевые отметки свинцом.

Заметенные снегом тропинки,
И на соснах, как шапки, снега;
И на стенах землянки — картишки
Довоенного «Огонька».

Все запомнится, все без остатка,
Сохранится навеки любовь.
Не на белой от снега площадке —
Мы на площади встретимся вновь.

Мы обнимем друг друга, узнаем,
По глазам прочитаем о тех,
Кто когда-то протаптывал с нами
Сапогами нетронутый снег.

А быть может, не мы, а другие
Вспомянут нас в торжественный час, —
Сыновей непреклонной России,
Воспитавшей на мужество нас.

Все запомнится, все без остатка,
Лист березовый вновь зашумит, —
И подымет лесная площадка
К небу памятника гранит.

ВСАДНИК

Через сожженную деревню
Проехать всадник не спешит;
Под снегом черные деревья
Усталый ветер шевелит.

Ступает конь в снегу глубоком...
Нет ни заборов, ни ворот...
Но и без крыш, без стен, без окон
Он переулок узнает.

И пусть, как в поле, топот гулко
Летит в морозный небосвод, —
Он серединой переулка
Деревню вдоль пересечет...

А что же всадник? Путь короче
Лежит налево через лес.
Но всякий раз он ехать хочет
Своей тоске наперерез.

И всякий раз — и пусть под
снегом —
Он хочет видеть те места.
Где он мальчишкой резвым бегал
От переулка до моста.

Где вились синими столбами
Зимой холодные дымы
Над заметенными домами
На рубеже седой зимы.

Ступает конь в снегу глубоком...
Нет ни заборов, ни ворот...
Но и без крыш, без стен, без окон
Он переулок узнает.

Выходит конь на мост дощатый,
Где вкось повалены столбы...
И вот коню уж нет пощады, —
От плети рвется на дыбы.

Идет виамет, прижавши уши,
Струной протянутой, красив...
А всадник скакет, чуть пригнувшись,
От горя губы прикусив.

КОНОВОД

Ехал конь венгерский в эшелоне,
Топал оземь кованным копытом,
Сытым, гладким был он в эскадроне, —
Да случись мадьяру быть в лесу убитым.

Офицер свалился навзничь наземь,
Выпустил тугие повода
И лежал в крови, залитан грязью,
Хлюпала под ним болотная вода.

А из чаши вышел паренек бедовый;
Белая папаха с лентой поперек...
Смотрит: над убитым конь медноголовый,
Черногривый бешеный конек.

Был у коновода конь-дружок кофейный,
Кареглазый, быстрый, как стрела;
Не чужой, не вражий, не трофейный,
Да чужая пуля подсекла.

А теперь стоял он над венгерцем,
Рядом конь — оседланный, гнедой...
Офицер лежал с пробитым сердцем
Над болотной цвелью, над водой.

Коновод вскочил в седло, ударил плетью,
Конь рванулся свечкой на дыбки;
Замелькали в предзакатном свете
Конские высокие чулки.

Конь рванулся вправо, влево... Сбросить
Попытался пленный седока...
Русская сверкающая осень
Подходила к ним издалека.

Сыпала коню под ноги листья,
Желтые, багряные, с дымком,
И шуршала в зарослях по-лиси
Каждой травкой, веткою, дубком.

И пошел венгерский конь послушно,
Чувствуя над языком узду,
По-кошачьи пригибая уши
И на взлобы приоткрыв звезду.

Коновод, поправив шапку козью,
С красной лентой, вадетой поперек,
Плетью сек рябиновые гроздья
Посреди березовых дорог.

И зимой, в метельные походы,
Засветив недобрый огонек,
Шел в строю под русым коноводом
Конь венгерский с именем Гнедок.

СЛЕДЫ

На снеговом однообразье
Подобъем свежей борозды
Лежат нехитрой тонкой вязью
Витые заячий следы.

Они уходят недалеко,
В сквозной березовый лесок.
А рядом с ними — след глубокий
Мадьярских кованых сапог.

За следом — след, как тень косая
Среди литой голубизны;
Одни — едва снегов касаясь,
Другие — втоптаны, груэны.

Стоят невестами березки
В фате, в венчальном серебре;
Сверкает синий иней блесткий
На запорошенной коре.

Из леса снова, завиваясь,
Уходит нить витых следов, —
Прошел сквозь лес, спасаясь, заяц
И скрылся в поле средь снегов.

Но след сапог чужих, тяжелых
За следом зайчым не бежит, —
Мадьяр остался, не ушел он,
Среди берез в крови лежит.

Лежит в снегу, раскинув ноги,
Блестя подковками сапог;
Над ним стоит в молчанье строгом
Сквозной березовый лесок.

А меж березок, тонких, ближних,
Кустам и пням наперерез
Летит стрелой свистящей лыжня,
В соседний пущенный лес.

По ней, в овчинном полушибке,
Взметая ходом чистый снег,
Отметив на ружье зарубку,
Уходит русский человек.

ЕЛКА

Устала, утихла, упала метель.
Стоит на полянке зеленая ель.

Серебряным блеском холодной луны
Пушистые иглы ослеплены.

А с елкою рядом, не веря глазам,
Стоит на снегу молодой партизан.

Один он... И нету в лесу никого.
Четыре гранаты висят у него.

Еще за плечом автомат у него.
Сегодня сочельник в лесу, рождество...

Он елку обходит и видит на ней
Кристаллы зеленых и синих огней;

Хлопушки, флаги, золотые шары,
Рождественской елки простые дары.

Паяцы, морковки, цветы, бубенцы,
Лошадки, коровки и леденцы.

Он елку обходит по снегу кругом,
И чудится парню — под крышею дом.

Тепло возле печи, и в тенях углы,
И к стенам придвигнутые столы.

Он елку обходит и видит на ней
Зеленые вспышки ракетных огней.

Прощается с елкой, по снегу идет
Туда, где никто его в полночь не ждет.

КОСТЕР

Гудит мороз в стволах сосновых,
Горит костер, дымит в пургу,
И отблеск пламени багровый
Лежит, как скатерть, на снегу.

На ней нет яств и угощений,
Неровно срезаны края;
На ней, как кровь, как жажда
мощенья,
Глухая ненависть твоя.

Нет никого в лесу гудящем;
Костер, да ты перед костром,
Да стая искр, во тьму летящих,
Да отдаленный зимний гром.

Тебе понятен этот дальний
Непрекращающийся гул;
Среди лесов и звезд печальных
Его до неба ты взметнул.

...Горит костер в лесу гудящем;
Ты на снегу полулежишь
И видишь, как гуляет в чаще
Огонь костра, багрян и рыж.

У ног — береза, завиваясь,
Горя на тающем снегу,
К тебе испытывает зависть,
Девичью зависть к пареньку,

Который может все, что хочет,
И, силой юности могуч,
Взметнул во тьме и страхе ночи
Огонь и ярость выше туч.

ПОДСНЕЖНИК

Над корневищами дубов
Темнеет снег неуловимо.
Тугие поросли кустов
Охвачены недвижным дымом.

На соснах с южной стороны
Кора, оттаивая, дышит.
Одним предчувствием весны
В лесу ковер узорный вышил.

И там, где тоненьким ручьем
Омыт в пути сухой валежник,
На бледном стебле под лучом
Уже качается подснежник.

И весь он, весь он голубой,
Необъяснимо чист и светел;
Его зовет играть с собой,
Бредущий с юга пьяный ветер.

А от него невдалеке,
У входа в душную землянку,
На гладко стесанном пеньке
Сидит с ребенком партизанка.

Лицом уткнувшись в платок,
Еще беспомощный, несмелый,
Он темнорозовый сосок
Губами ищет неумело.,.

А мать следит за ним, смеясь,
Одна в неведомом покое...
И вдруг по-женски, наклоняясь,
Она берет сосок рукою,

Дает ему девичью грудь,
Смотря счастливыми глазами,
Как сын старается втянуть
Побольше жадными губами...

И от нее невдалеке,
Чуть видный, невысокий, нежный,
На тонком крепком стебельке
Легко качается подснежник.

А рядом с ним бежит ручей
И на снегу не леднеет;
И мох под тяжестью лучей
На соснах юношеских зеленеет.

IV. ИЗ ДНЕВНИКА

СЛОВО О ДРУЖБЕ

П. Г. Кудину

Идет война, гремят ее раскаты;
Последней туши не отлит свинец;
Последней смерти неизвестна дата, —
Шинели скатка за плечом солдата, —
Мы все в строю, любой из нас — боец!

Мы смерть не раз встречали на дороге;
Она за нами ходит по пятам,
Она же нас к себе призвала многих, —
Но здесь она споткнется на пороге:
Здесь любят жизнь, пусть смерть идет к чертям!

Друзья безвестные, вы нынче знамениты,
Вчера бескрылые — сегодня в небесах;

Вы все прошли, войной по горло сыты,
Все горести от глаз сторонних скрыты,
Лишь седину не скроешь на висках.

И если здесь, в таком кругу горячем,
Друзей себе, товарищей найдешь,
Вчера слепой, ты завтра станешь зрячим,
И день придет — он будет днем удачи, —
Ты небо дружбы с ними обретешь.

Война пройдёт, и друг, не постучавши,
Войдет в твой дом под вечер на ночлег;
В минувший день, суровый день
— *вчерашний* —

—Черашний, —
Твой спутник, твой товарищ, однокашник,
Ну, словом, очень близкий человек.

И ты ему и он тебе напомнил
Геленджика осенние черты:
Полночные невидимые волны,
Громоподобного гуденья полный
Аэродром и рядом с ним — цветы,

Суровые, военные, простые
У катониров на сырой земле...
Закаты над Дообом¹ золотые.
На траверзе Анапы — огневые
Без счета трассы в полуночной мгле.

Друзья, друзья! На новых перепутьях, —
Пройдут года, — мы встретимся опять,
Обнимемся, друзья мои, пошутим,
И по-старинке по цыгарке скрутим,
Затем начнем о прошлом вспоминать.

¹ Дооб — мыс между Геленджиком и Новороссийском.

И где бы ни были, останется навечно
Высокой дружбы негасимый свет, —
Наш честный мир, как водится, беспечный,
Всегда открытый и всегда сердечный
Незабываемых военных лет.

* * *

У каждого из нас в стране родной
Был точный адрес, город, номер дома...
Откуда б ни приехал в час ночной,
Идешь спокойно улицей знакомой.

Ты поступишься в переплет окна,
Тебя родные встретят на пороге,
И выпьют чарку доброго вина
За возвращение из пути-дороги.

Вот так мы жили дружно и тепло,
Детей растили, на вечерках пели...
И возле дома милого светло
Над нами листья тополей шумели.

У каждого из нас в стране родной
Есть край любимый... Разве позабудешь
Между курганов ковылек степной
Под солнцем в бледно-матовой полуде?

И дончаков степные косяки,
И ржанье маток у реки студеной,
Левобережья желтые пески,
И чернотал, склонившийся над Доном?

И ты запомнил раннею весной
Гортанный крик, протяжный, журавлиный.
Когда низовкой, темною, седой,
Вода заполоняла луговины.

У каждого из нас в стране родной
Был отчий дом... У скольких он потерян!
И в этом доме в полумгле ночной
Чужие люди открывают двери.

И как ты скажешь, где теперь живешь,
Коль обменяться надо адресами?
Нет, руки на стволе не разожмешь
И в бой пойдешь степями и лесами.

И вновь услышат наши голоса
Дома родные с грохотом орудий!
Мы сохранили наши адреса:
Где бы ни были, — мы дома снова будем!

* * *

День был и страшным и трудным,
В зное, в пыли деревенской,
За день сгоревшая Рудня —
Семьдесят верст от Смоленска.

Пламень метался багровый
С крыш на сухие деревья...
Перед заходом корова
С поля вернулась в деревню.

Долго бродила, мычала,
Будто звала — подойдите!
Выменем темным качала,
Будто прося — подойте!

Мы подошли корову —
Тroe, гремя котелками;
Тroe — в огнище багровом,
Тroe — мужскими руками.

* * *

Мы не спали четыре ночи,
Пыль съедала нас до нутра.
Ночь казалась нам дня короче,
Мы не видели серебра,
Что рассыпано в поднебесьи...
Только знали мы пыль дорог,
Только знали мы: сколько весит
Сердце каждого, кто залег
За стволами в лесу, за пнями.
Потемнело ли, рассвело, —
Только знали мы: сколько с нами
Было, выбыло и пришло.

Мы не спали четыре ночи,
Не смыкали багровых глаз...
А теперь средь болотных кочек
Мы успали всего на час.
Слышим: в небе летят бомбозы, —
То не наши, — мы узнаем.
Слышим: тихо шумят березы, —
Это наши, мы здесь уснем...

БЕРЕЗА

Под березою был похоронен юнкорт.
Мы могилу травою укрыли...
В ствол березы ударили немецкий
снаряд,
И береза упала к могиле.
И ветвями своими припала к траве,
Серебристой корою в накронах,
И вершиной свою — к его голове,
Обращенной и в смерти на запад.

Так лежала она, прикрывая собой
Свежий холмик могильной земли,
И ее ни снаряды, ни вихрь огневой
Оторвать от него не могли.

СУХАРЬ

Нас тесным кругом окружали
Враги, разрывы, дым и гарь...
И вот тогда-то мы достали
Ржаной поджаренный сухарь.

Его с тобой переломили,
Как всё делили, — пополам,
Водой болотною запили,
И пальцы вновь легли к куркам.

И, может, он придал нам силы
Среди густых, как ночь, кустов;
И мы с тобою из могилы
Ушли, оставив в ней врагов.

* * *

Кто опален огнем войны,
Кто разлучен войной с друзьями,
Кто мечен метой седины, —
Тот становись в шеренгу с нами.

Хлебнули вдосталь мы свинца,
Не захлебнулись, не упали;
Но поклялись мы — до конца
Стоять на том, на чем стояли.

Мы шли звериною тропой,
В упор нас били тьма и выюга, —
И ты со мной, и я с тобой
Сдружились, поняли друг друга.

А нам уже по тридцать лет,
Давно нас юность миновала,
Но мы хватили столько бед,
Что впору жить опять сначала.

В блиндаже тесном, земляном,
Одной шинелью укрываясь,
Мы забывались кратким сном
Дурной бессонице на зависть.

И если надо, шли вдвоем,
А если надо, расставались
И вновь сходились выюжным днем
И, что сошлись, не удивлялись.

И нам казалось, что давно,
Наверно с детства, мы сдружились,
Что жили в городе одном
И что в одной квартире жили.

Все это было на войне,
Где узнают друг друга люди,
В какой угодно стороне
И под огнем любых орудий.

Одной любили мы душой,
Одну носили месть и злобу,
И дружбой вечною большой
Мы называли это оба.

Нам предстоит еще немало
Ходить дорогами войны,
В лесах, заснеженных, усталых,
Не слышать в полдень тишины.

Детей не видеть в колыбели,
Шинелей серых не снимать,
Не разуваться две недели
И через сутки, стоя, спать.

Но этот путь уже не страшен, —
Мы не умрем, мы будем жить!..
Мы написали кровью нашей,
Веленье сердца: победить!

СОДЕРЖАНИЕ

1. СТЕПНЫЕ СОЛДАТЫ

Степь	3
Степные солдаты	4
Таманские лиманы	5
Голуби	6
Солдатские сны	7
Хутор Русский	8
Твой дом	10
Мы ласкаем чужих детей...	11
Огонь	12

II. ЕХАЛИ КАЗАКИ...

Бессмертник	13
Тroe	14
Горобец	17
Подвиг Бандуры	18
Контратака	21
Сказ про Доватора	22
Баллада о двух дружках	25
„Огонек“	27
Песня о казачьем подвиге	28
Казак на запад в бой идет	28
Ехали казаки	29
Земля твоя	31
Душа человека	32
Дубок и Грачев	34
Вишия	37

III. ЗИМА В ЛЕСУ

Письмо через фронт	38
Всадник	40
Коновод	41
Следы	42
Елка	44
Костер	45
Подснежник	46

IV. ИЗ ДНЕВНИКА

Слово о дружбе	47
У каждого из нас...	49
День был и страшным и трудным	50
Мы не спали четыре ночи	51
Береза	51
Сухарь	52
Кто опален огнем войны	52
Нам предстоит еще немало...	54

Редактор *Б. Евгеньев*

Подписано к печати 4/V 1944 г. №57322. 13/4 печ. л. 2,6 уч.-изд. л.
58000 зн. з печ. л. Тираж 25 000. Заказ 50б. Цена 2 руб

Ф-ка юнош. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“,
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46,